

ДЭВИД ГРАНН

УБИЙЦЫ ЦВЕТОЧНОЙ ЛУНЫ

НЕФТЬ.
ДЕНЬГИ.
КРОВЬ.

«Читая книгу Гранна,
я уже видел людей, места, действие —
и знал, что должен сделать
по ней фильм».

Мартин СКОРСЕЗЕ

Детективная история. Как это было

Дэвид Гранн

**Убийцы цветочной луны.
Нефть. Деньги. Кровь**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гранн Д.

Убийцы цветочной луны. Нефть. Деньги. Кровь / Д. Гранн —
«Эксмо», 2017 — (Детективная история. Как это было)

ISBN 978-5-04-099134-1

Племена осейджей повезло уцелеть, когда белые колонизовали Америку. И еще им повезло очутиться на богатых нефтью землях Оклахомы. На старте нефтяной лихорадки двадцатых пресса наперебой сообщала о сказочном обогащении «краснокожих миллионеров». На этом везение индейцев закончилось, потому что их стали методично убивать: по одному и целыми семьями. Справиться с криминальным террором Эдгар Гувер, поставленный во главе только что организованного ФБР, поручает техасскому рейнджеру Тому Уайту... Захватывающее расследование, названное лучшей книгой года по версии Amazon, Wall Street Journal и еще полутора десятка американских изданий первого ряда. Национальный бестселлер в США и бестселлер «Нью-Йорк таймс».

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099134-1

© Гранн Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Хроника первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дэвид Гранн
Убийцы цветочной луны.
Нефть. Деньги. Кровь

© Little, Brown and Company

© New York Boston London

© David Grann

© Евгений Мордашев. Перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моим маме и папе

Хроника первая

Женщина под прицелом

Этой благостной ночи не потревожила даже тень зла, ибо она прислушивалась, не раздалось ни голоса зла, тишину не прорезал ни один пронзительный совиный крик. Она знала это, ибо всю ночь прислушивалась.

*Джон Джозеф Мэтьюз
«Закат»*

Глава 1

Исчезновение

В апреле поросшие дубравами холмы и обширные прерии резервации индейцев-осейджей в Оклахоме устилают мириады мелких цветов. Анютины глазки, виргинские клейтонии, голубые хоустонии...¹ По замечанию летописца осейджей Джона Джозефа Мэтьюза, эти галактики лепестков кажутся «конфетти, рассыпанными богами»². В мае, когда койоты воют на пугающе огромную луну, цветы покрупнее вроде традесканции и волосистой рудбекии начинают теснить малюток, отнимая у них свет и воду. Те никнут, опадают и вскоре уже покоятся под землей. Потому май осейджи называют месяцем, убивающим цветы.

24 мая 1921 года Молли Беркхарт, жившая в осейджском поселении Грей-Хорс, Оклахома, забеспокоилась, не случилось ли чего с одной из трех ее сестер, Анной Браун. 34-летняя Анна, которая была старше Молли меньше чем на год, пропала три дня назад³. Она часто уходила в «загулы», как их пренебрежительно называли в семье: танцевала и выпивала с друзьями до самого рассвета. Однако на сей раз прошла ночь и еще одна, а Анна так и не появилась, как обычно, на веранде – длинные черные волосы слегка растрепаны, темные глаза горят стеклянным блеском. Зайдя, Анна любила сбросить туфли, и Молли тосковала по успокаивающему звуку ее неспешных босых шагов. Вместо него была лишь тишина, как в прерии.

Без малого три года назад Молли уже потеряла другую сестру, Минни. Та умерла шокирующе скоропостижно, и, хотя врачи объясняли ее смерть «необычайно изнурительной болезнью»⁴, Молли втайне грызли сомнения: Минни было всего 27 лет, и на здоровье она никогда не жаловалась.

Имена Молли и сестер, как и их родителей, были занесены в племенной список осейджей. Это значило, что они являлись официально зарегистрированными членами племени. А также – что они были богаты. В начале 1870-х годов осейджей вытеснили из Канзаса, с их земель в скалистые, казавшиеся бросовыми резервации на северо-востоке Оклахомы, однако спустя всего несколько десятилетий здесь открыли одно из крупнейших в Соединенных Штатах нефтяных месторождений. Нефтепромышленники вынуждены были платить индейцам за аренду земли, а также за право разработки природных ресурсов. В начале XX века каждый из списка

¹ Подробнее об осейджском представлении о месяце, убивающем цветы, см. Mathews «Talking to the Moon».

² Там же, 61.

³ Описание исчезновения Анны Браун и ее последнего визита в дом Молли Беркхарт взято в первую очередь из показаний свидетелей. Многие из них неоднократно говорили с множеством следователей, в том числе агентами ФБР, и частными детективами. Эти свидетели также часто давали показания в ходе ряда судебных процессов. Для получения дополнительной информации см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

⁴ Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 117.

племени ежеквартально получал чек. Поначалу он составлял всего пару долларов, однако со временем, по мере расширения нефтедобычи, дивиденды достигли сотен, а потом и тысяч. Они росли каждый год, и подобно тому, как ручьи прерий, сливаясь, образуют широкую мутную реку Симаррон, так индейцы племени в итоге начали получать миллионы. В одном только 1923 году им выплатили свыше 30 миллионов долларов, что в пересчете на сегодняшние деньги равно 400 миллионам. В те времена по среднему доходу осейджи считались богатейшим народом в мире. «Подумать только! – восклицал нью-йоркский еженедельник «Аутлук». – Индейцы вовсе не умирают с голоду... напротив – получают стабильный доход, да такой, что банкиры зеленеют от зависти»⁵.

Публика столбенела от процветания племени, переворачивавшего образ американских индейцев, восходящий к поре первого жестокого столкновения с белыми – первородного греха, из которого родилась страна. Журналисты распяли зависть читателей рассказами о «плутократах-осейджах»⁶ и «краснокожих миллионерах»⁷, их кирпичных, облицованных терракотой особняках, хрустальных люстрах, бриллиантовых кольцах, меховых манти и автомобилях с шоферами. Один из писателей дивился осейджским девушкам, учившимся в лучших частных школах и носившим роскошные французские наряды, как будто «их случайно занесло в убогий городок резервации напрямиком с парижских бульваров»⁸.

Одновременно репортеры выискивали в жизни осейджей мельчайшие приметы традиционного уклада, словно бы добавлявшие индейцам «дикости» в глазах публики. В одной статье описывались «дорогие автомобили, стоявшие вокруг первобытного костра, на котором их владельцы, бронзовые и в ярких одеялах, жарили мясо»⁹. В другой заметке говорилось об осейджах, которые летали на празднество с плясками в частном самолете – сцена, «превосходящая воображение самого смелого романиста»¹⁰. Подытоживая отношение публики к осейджам, газета «Вашингтон стар» писала: «Пора уже перестать причитать: «Ах, бедные индейцы!» – и провозгласить: «Ого! богатые краснокожие!»¹¹

Грей-Хорс было одним из старейших поселений резервации. Эти местечки на далекой окраине страны – в том числе Фэрфакс, соседний город покрупнее, с почти полуторатысячным населением, а также столица округа Осейдж – Похаска, где проживало свыше 6 тысяч человек – казались видениями больного воображения. На шумных улицах смешались ковбои, авантюристы, бутлегеры, прорицатели, знахари, бандиты, федеральные маршалы, нью-йоркские финансисты и нефтяные магнаты. По выбитым конскими копытами, а теперь мощным дорогам носились авто, запах бензина заглушал ароматы прерий. С телефонных проводов присяжными заседателями глядели вниз стаи ворон. Тут были рестораны и кафе, оперные театры и площадки для игры в поло.

Роскошествуя куда меньше соседей, Молли все же поставила у старого семейного вигвама из связанных жердей, тканых ковриков и коры красивый, хоть и беспорядочно построенный деревянный дом. У нее было несколько машин и штат прислуги – индейских прихлебателей, как насмешливо называли поселенцы рабочих-мигрантов – в основном черных и мексиканцев, хотя в начале 1920-х один из посетивших резервацию с возмущением наблюдал «даже белых», выполнявших «все тяжелые работы по дому, до которых не снизошел бы ни один осейдж»¹².

⁵ Sherman Rogers, «Red Men in Gas Buggies», Outlook, 22 августа 1923 года.

⁶ Estelle Aubrey Brown, «Our Plutocratic Osage Indians», Travel, октябрь 1922.

⁷ William G. Shepherd, «Lo, the Rich Indian!», Harper's Monthly, ноябрь 1920 года.

⁸ Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».

⁹ Elmer T. Peterson, «Miracle of Oil», Independent (N.Y.), 26 апреля 1924 года.

¹⁰ Цитируется в Harmon, Rich Indians, 140.

¹¹ Там же, 179.

¹² Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».

Молли была одной из последних, кто видел Анну перед исчезновением. В тот день, 21 мая, Молли по привычке, идущей еще с той поры, когда ее отец каждое утро молился солнцу, поднялась чуть свет. Привычный хор луговых жаворонков, тетеревов и куликов теперь заглушали резкие удары вгрызающихся в землю буров. Молли накинула на плечи индейское одеяло – в отличие от многих подруг, она не чуралась одежды осейджей. Вместо модной короткой стрижки она свободно распускала по спине длинные черные волосы.

Ее муж, Эрнест Беркхарт, встал одновременно с ней. 28-летний белый красавчик, готовый актер массовки вестерна: короткие темно-русые волосы, голубые глаза, квадратный подбородок. Слегка подкачал лишь нос, которому, видимо, досталось раз-другой во время драки в баре. Сына бедного тexasского фермера, возделывавшего хлопок, пленили истории о здешних краях – последнем оплоте американского Фронттира, где, по слухам, еще бродили ковбои и индейцы. В 1912 году, девятнадцати лет, он, собрав вещички, как Гек Финн, сбежал на Индейские территории, явившись в Фэрфакс к дяде, властному скотопромышленнику Уильяму К. Хэйлу. «Он был не из тех, кто просил, он приказывал», – как-то обмолвился Эрнест о заменившем ему отца Хэйле¹³. В основном приходилось быть у дяди на побегушках, но Эрнест также водил такси, где и познакомился с Молли.

Эрнест прикладывался к самогону и играл в покер с плохими парнями, однако за его грубостью угадывалась нежность и даже неуверенность в себе, и Молли в него влюбилась. С детства она говорила на осейджемском, и хотя в школе кое-как выучила английский, тем не менее Эрнест постигал ее родной язык до тех пор, пока они не смогли свободно на нем объясняться. Она болела диабетом, и Эрнест не отходил от нее, когда у нее выкручивало суставы, а желудок горел от голода. А узнав, что у нее появился другой воздыхатель, пробормотал, что не может без нее жить.

Их женитьба оказалась непростым делом. Крутые дружки обзывали Эрнеста «подкаблучником краснокожей». Сама Молли, хотя все три ее сестры вышли за белых, считала себя обязанной заключить полноценный индейский брак, как у родителей. Однако, воспитанная в смеси традиционных осейджемских верований и католицизма, она не понимала, как Бог мог дать ей любимого и тотчас отнять. Поэтому в 1917 году они с Эрнестом обменялись кольцами и поклялись в вечной любви.

К 1921 году у них была двухлетняя дочь Элизабет и восьмимесячный сын Джеймс, ласково прозванный Ковбоем. Еще Молли ухаживала за стареющей матерью, Лиззи, переехавшей в ее дом после смерти мужа. Та поначалу боялась, что страдающая диабетом дочь умрет молодой, и просила позаботиться о себе других детей. Но в действительности обо всех заботилась именно Молли.

День 21 мая обещал быть для Молли приятным – планировался небольшой званый обед, а ей нравилось принимать гостей. Встав и одевшись, она накормила детей. У Ковбоя часто сильно болели ушки, и она дула в них, пока он не перестал плакать. Хозяйство Молли вела образцово, и, едва в доме проснулись, она отдала распоряжения слугам. Все, кроме Лиззи, приболевшей и оставшейся в постели, засуетились. Молли попросила Эрнеста позвонить Анне и узнать, не приедет ли она помочь присмотреть за матерью. Та, хоть и жила у Молли, всегда больше любила и отличала старшую дочь, несмотря на ее буйные выходки.

Когда Эрнест сказал Анне, что она нужна маме, та пообещала сразу взять такси и вскоре явилась – в ярко-красных туфлях, индейском одеяле и юбке в тон, с маленькой сумочкой из крокодиловой кожи в руках. Прежде чем войти, торопливо причесала растрепанные ветром волосы и припудрила лицо. Тем не менее Молли заметила, что походка у нее нетвердая, а говорит она невнятно. Анна была пьяна.

¹³ Oklahoma City Times, 26 октября 1959 года.

Молли не могла скрыть неудовольствия. Некоторые гости уже прибыли. Среди них двое братьев Эрнеста, Брайан и Хорас Беркхарты, привлеченные в округ Осейдж запахом «черного золота» и часто помогавшие Хэйлу на ранчо¹⁴. Явилась и одна из их тетушек, изрыгавшая расистские нападки на индейцев, и Молли меньше всего хотелось, чтобы Анна злила старую ведьму.

Анна скинула туфли, и началось представление. Сперва она извлекла из сумки и откупила фляжку, из которой остро пахло бутлегерским виски. Настаивая, что осушить ее надо, пока не арестовали власти – в Штатах был сухой закон, – Анна предложила гостям хлебнуть, как она выразилась, «лучшего белого пойла».

Молли знала, что Анне сейчас несладко. Недавно она развелась с мужем, бизнесменом по имени Ода Браун, владельцем таксопарка. С тех пор она все чаще пропадала в шумных, выросших на буме городках резервации, приютивших и развлекавших рабочих-нефтяников – вроде Уизбанга, о котором говорили, что в нем весь день напролет кутят, а всю ночь напролет трахаются (Название городка образовано из двух этих глаголов. – *Прим. ред.*). «Там вы найдете все силы разврата и зла, – писал федеральный чиновник¹⁵. – Азартные игры, пьянство, адюльтер, ложь, воровство, убийство». Анну манили заведения в темных переулках: пристойные на вид, но с задними комнатами, где на полках блестели бутылки самогона. Впоследствии одна из служанок Анны поведала властям, что та пила много виски и «путалась с белыми мужчинами»¹⁶.

В доме Молли Анна принялась заигрывать с младшим братом Эрнеста Брайаном, с которым когда-то встречалась. Он был угрюмее Эрнеста, с непроницаемым взглядом крапчато-желтых зрачков и залезшими назад реддеющими волосами. По словам знавшего его служителя закона, работал он на должности «подай – принеси». Когда за обедом Брайан пригласил одну из служанок пойти с ним вечером на танцы, Анна сказала, что убьет его, если он закрутит с другой.

Тетя Эрнеста тем временем бубнила себе под нос, но весьма отчетливо, как она оскорблена женитьбой племянника на краснокожей. Молли даже не отреагировала – прислуживавшая тетушке белая официантка и без того зримо напоминала о городской социальной иерархии.

Анна все не унималась – задирали гостей, задирали мать, задирали Молли. «Она пила и скандалила, – позднее рассказала властям служанка¹⁷. – Языка их я не понимаю, но они сорились». И добавила: «Анна вела себя ужасно, прямо страх».

В тот вечер Молли собиралась остаться с больной матерью, пока Эрнест отвезет гостей в Фэрфакс, – пять миль на северо-запад, – где они встретятся с Хэйлом и отправятся на музыкальное представление заезжей труппы «Воспитание папы» о бедном ирландском иммигранте, выигравшем миллион и силящемся вписаться в высшее общество. Брайан, нахлобучив ковбойскую шляпу и глядя из-под низко надвинутых полей своими кошачьими глазами, предложил Анне подбросить ее до дома.

Прежде чем они ушли, Молли застирала одежду Анны и собрала ей кое-что со стола. Та немного протрезвела и вновь стала собой – милой и очаровательной. Помирившись и успокоившись, они еще долго не могли расстаться. На прощание Анна широко улыбнулась, блеснув золотыми коронками.

¹⁴ При рождении ему дали имя Байрон, но он стал называть себя Брайан. Во избежание путаницы я всюду называю его Брайаном.

¹⁵ Заявление Х. С. Трейлора, подкомитет Конгресса США по делам индейцев, *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 202.

¹⁶ Отчет Тома Уайза и Джона Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

¹⁷ Свидетельские показания перед большим жури Марты Даути, NARA-FW.

С каждой проходящей ночью тревога Молли нарастала. Брайан уверял, что высадил Анну прямо у дома, а потом поехал на спектакль. Утром четвертого дня Молли спокойно, но решительно начала действовать. Первым делом она отправила мужа проверить дом Анны. Эрнест подергал ручку входной двери – та была заперта. Заглянул в окно – внутри темно и пусто.

Один, не зная, что предпринять, он стоял на жаре. Пару дней назад прохладный ливень освежил землю, но потом солнечные лучи принялись безжалостно палить сквозь кроны мэрилендских дубов. В это время года зной иссушал прерии, и высокая трава шуршала под ногами. В слепящем мареве вырисовывались отдаленные каркасы буровых вышек.

Вышла жившая по соседству экономка Анны, и Эрнест спросил:

– Ты не знаешь, где Анна?¹⁸

Служанка ответила, что перед дождем подходила к дому хозяйки закрыть окна.

– Подумала, что вода будет заливать внутрь, – объяснила она¹⁹. Но дверь оказалась заперта. Анны не было. Она исчезла.

Весть об этом облетела городки нефтяников, передаваясь из уст в уста. Тревогу подогревали и слухи о том, что за неделю до Анны пропал еще один осейдж, Чарльз Уайтхорн²⁰. Веселый и добродушный тридцатилетний Уайтхорн был женат на наполовину белой, наполовину шайеннке²¹. Местная газета отмечала, что его «любили и белые, и соплеменники»²². 14 мая он выехал из дома на юго-западе резервации в Похаску. И больше не вернулся.

Все же Молли пока не паниковала. Вполне возможно, что Анна, расставшись у дома с Брайаном, отправилась в столицу штата или через границу – в сверкающий огнями Канзас-Сити. Не исключено, что она танцует сейчас в одном из джазовых клубов, куда так любила ходить, и не догадывается о наделанном ею переполохе. Даже попав в переделку, Анна сумела бы за себя постоять: в сумке из крокодиловой кожи она обычно носила маленький револьвер. «Она скоро вернется», – успокаивал Молли Эрнест.

Спустя неделю после исчезновения Анны рабочий-нефтяник на холме в миле к северу от Похаски заметил у основания нефтяной вышки бугорок. Подошел ближе. И увидел разлагающийся труп с двумя пулевыми отверстиями между глаз. Убийство напоминало казнь.

На склоне было жарко, влажно и шумно. Землю сотрясали буры, врезавшиеся в известняковые отложения, вышки поднимали и опускали огромные коромысла. Вокруг тела, разложившегося настолько, что его невозможно было опознать, собралась толпа. В одном из карманов обнаружили письмо. Его вытащили, расправили и прочитали. Письмо было адресовано Чарльзу Уайтхорну.

Примерно в то же самое время у ручья Три-Майл-Крик близ Фэрфакса отец с сыном и приятелем охотились на белок. Пока мужчины пили у ручья, мальчик заметил цель и выстрелил. Польшнула вспышка, и добыча безжизненно скатилась в расщелину. Он бросился следом по крутому, поросшему лесом склону вниз, где воздух был плотнее и слышалось журчание ручья. Найдя и подняв белку, мальчик вдруг закричал:

– Папа!²³

Когда тот подошел, сын уже вскарабкался по камням. Указав на поросший мхом берег ручья, он проговорил дрожащим голосом:

¹⁸ Свидетельские показания перед большим жури Анны Ситтерли, NARA-FW.

¹⁹ Там же.

²⁰ Информация об исчезновении Уайтхорна почерпнута в основном из местных газет и отчетов частных детективов и агентов ФБР в Национальном управлении архивов и документации.

²¹ Следует отметить, что в одной газетной статье говорится, что жена Уайтхорна была наполовину чероки. Тем не менее в документах ФБР она названа шайеннкой.

²² *Pawhuska Daily Capital*, 30 мая 1921 года.

²³ Слова охотников приводятся по свидетельским показаниям перед большим жури, NARA-FW.

– Там покойник!

Раздувшееся и разлагающееся тело принадлежало индианке: она лежала на спине, с влипшими в грязь волосами, устремив в небо пустые глаза. Труп кишел червями.

Мужчины и мальчик быстро выбрались из расщелины и поскакали, вздымая пыль, по прерии на своем запряженном лошадьми фургоне. Въехав на главную улицу Фэрфакса, они не нашли ни одного представителя закона, а потому остановились перед большим универсальным магазином «Биг Хилл Трейдинг Компани», в котором была и похоронная контора. Они рассказали владельцу, Скотту Мэтису, что произошло, он послал за хозяином конторы, и тот с помощниками поехал к ручью. Они переложили тело на доску, на веревках вытянули из лощины и положили в деревянный ящик в тени мэрилендского дуба. Когда гробовщик присыпал раздутый труп льдом и солью, тот начал съеживаться, словно его покидало последнее дыхание жизни. Гробовщик пытался опознать в женщине Анну Браун, которую он знал.

– Тело разложилось и опухло настолько, что едва не лопалось и ужасно смердело²⁴, – вспоминал он позднее, добавляя: – И было черное, как у негритянки²⁵.

Ни он, ни другие так и не смогли решить, Анна это или нет. Однако Мэтис, ведший финансовые дела пропавшей, связался с Молли, и та во главе мрачной процессии, состоявшей из Эрнеста, Брайана, сестры Молли Риты и ее мужа Билла Смита, отправилась к ручью. К ним присоединились многие знакомые Анны и привлеченные нездоровым любопытством зеваки. Со своей женой из осейджей пришел и один из самых известных бутлегеров и наркоторговцев округа, Келси Моррисон.

Молли и Рита приблизились к телу. Смерд стоял ужасный. В небе кружили стервятники. Лица – от которого почти ничего не осталось – ни Молли, ни Рита не опознали, зато опознали индийское одеяло и одежду, выстиранную Молли. Затем муж Риты, Билл, взяв палку, открыл рот трупа, и они увидели золотые коронки – такие же, как у Анны.

– Да, это точно она, – сказал Билл²⁶.

Рита разрыдалась, и муж ее увел. Наконец Молли тоже едва слышно выдавила подтверждение его слов. В семье она одна никогда не теряла самообладания, не лишилась его и теперь, отходя с Эрнестом от ручья, при первом намеке на мрак, грозивший поглотить не только ее семью, но и все ее племя.

²⁴ Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

²⁵ Свидетельские показания перед большим жюри Ф. С. Тертона, NARA-FW.

²⁶ Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.

Глава 2

По воле Бога или человека?

Для коронерского дознания²⁷ мировой судья спешно собрал в овраге жюри. Предварительное следствие с привлечением присяжных оставалось пережитком эпохи, когда основное бремя расследования преступлений и поддержания правопорядка несли на себе рядовые граждане. Долгие годы после Войны за независимость общественность выступала против создания полиции, опасаясь, что та превратится в репрессивную силу. Вместо этого граждане сами отзывались на призывы жертв и преследовали преступников. Будущий судья Верховного суда Бенджамин Н. Кардозо однажды заметил, что эти погони не были «нерешительными или вялыми, но добросовестными и смелыми действиями с применением всех пригодных подручных средств»²⁸.

Только в середине XIX века с ростом промышленных городов и учащением массовых беспорядков, когда страх перед так называемыми «опасными классами» пересилил опасения перед государством, в Соединенных Штатах появились полицейские подразделения. К моменту смерти Анны неформальная система поддержания общественного порядка гражданами была отменена, однако ее пережитки остались, особенно в тех местах, которые, казалось, продолжали существовать на периферии истории и географии.

Жюри присяжных мировой судья выбрал из присутствующих в овраге белых мужчин, включая Мэтиса. Им предстояло решить, умерла ли Анна по воле Бога или человека, а если это было преступление, определить его исполнителей и соучастников. Для проведения вскрытия вызвали двух врачей, пользовавших семью Молли, – братьев Джеймса и Дэвида Шоун. Те, окруженные присяжными, склонились над трупом и приступили к работе.

Каждое мертвое тело рассказывает свою историю. Перелом подъязычной кости может указывать на удушение. Пятна на шее подсказывают, душил убийца голыми руками или удавкой. Даже сломанный ноготь жертвы может свидетельствовать о предсмертной схватке. В одном влиятельном руководстве XIX века по судебной медицине написано: «Врач, осматривая мертвое тело, должен замечать все»²⁹.

В качестве импровизированного стола братьям Шоун служила доска. Из медицинской сумки они извлекли небогатый набор самых примитивных инструментов, в том числе пилу. Жара подступала даже сюда, в тень. Над трупом роились мухи. Врачи осмотрели одежду Анны – панталоны, юбку – на предмет подозрительных разрывов или пятен. Ничего необычного не обнаружив, они попытались установить время смерти. Это труднее, чем принято считать, особенно если смерть наступила несколько дней назад. В XIX веке ученые считали, что разрешили загадку, изучив фазы посмертного изменения трупа: окоченение (*rigor mortis*), понижение температуры тела (*algor mortis*) и обесцвечивание кожных покровов вследствие остановки кровотока (*livor mortis*). Однако вскоре патологоанатомы поняли, что на скорость разложения влияет слишком много различных факторов – от влажности воздуха до того, какая на трупе одежда, – не позволяя произвести точный расчет. Тем не менее приблизительно оценить время смерти возможно, и Шоуны установили, что Анна умерла от пяти до семи дней назад.

Доктора немного повернули голову Анны в деревянной коробке. Кожа отошла, открыв безукоризненно круглое отверстие в задней части черепа.

²⁷ Описание коронерского дознания основывается главным образом на показаниях очевидцев, в том числе и братьев Шоун. Подробнее см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

²⁸ Цитируется в A. L. Sainer, *Law Is Justice: Notable Opinions of Mr. Justice Cardozo* (New York: Ad Press, 1938), 209.

²⁹ Цитируется в Wagner, *Science of Sherlock Holmes*, 8.

– Ее застрелили!³⁰ – воскликнул один из Шоунов.

Мужчины заволновались. Подойдя ближе, они увидели, что диаметром отверстие было примерно с карандаш. Мэтис решил, что подобную рану могла оставить пуля тридцать второго калибра. Поскольку вошла она чуть ниже макушки и двигалась по нисходящей траектории, сомнений не оставалось: Анну хладнокровно убили.

В ту пору основная масса стражей закона оставались непрофессионалами. Среди них нечасто встречались выпускники специальных академий, мало кто владел и новыми научными методами расследования, такими как анализ отпечатков пальцев и образцов крови. Правоохранители Фронттира, как правило, были в первую очередь меткими стрелками и хорошими следопытами, от которых ждали сдерживания преступности, а также поимки, если возможно, или при необходимости уничтожения заведомых бандитов. «В те времена шериф и был законом, и лишь его решение да палец на спусковом крючке определяли приговор»³¹, – писала в 1928 году газета «Талса дейли уорлд» в некрологе одного ветерана-правоохранителя, служившего в резервации осейджей. – Часто приходилось в одиночку противостоять целой своре хитрых дьяволов». Поскольку жалование эти стражи закона получали мизерное, а ценили их за скорость стрельбы, неудивительно, что границы между хорошими и плохими правоохранителями были весьма зыбки. Так, главарь печально прославившейся в конце XIX века банды Далтонов одно время был главным блюстителем порядка в резервации осейджей.

Когда убили Анну, шерифом округа Осейдж, несущим основную ответственность за поддержание закона, был поселенец Харви М. Фрис, 58 лет и весом 130 кг. В посвященной истории Оклахомы книге 1916 года Фрис назван «грозой злодеев»³². Тем не менее ходили слухи о его тесной связи с криминальными элементами и попустительстве содержателям игорных домов и бутлегерам вроде Келси Моррисона и Генри Грэммера, контролировавшего торговлю самогоном. Позднее один из подчиненных Грэммера признавался властям: «Я не сомневался, что если меня и арестуют... то через пять минут отпустят»³³.

Собрание граждан округа Осейдж даже приняло резолюцию, во имя «религии, правопорядка, благопристойности и морали»³⁴ постановлявшую: «Настоящим считающие, что шериф приведен к присяге и обязан обеспечивать охрану правопорядка, должны лично при встрече или письменно настойчиво требовать от шерифа Фриса исполнения присяги».

Когда шерифу доложили об убийстве Анны, он уже был занят расследованием дела Уайтхорна и послал собирать улики и свидетельские показания одного из своих помощников. В Фэрфаксе был городской маршал, эквивалент начальника полиции, вместе с помощником шерифа подъехавший к оврагу еще до того, как братья Шоуны закончили вскрытие. Чтобы свидетели закона могли идентифицировать орудие убийства, требовалось извлечь пулю, видимо, застрявшую в голове. Шоуны распилили черепную коробку, осторожно извлекли содержимое и положили на доску.

– Состояние мозга было очень скверное³⁵, – вспоминал Дэвид Шоун. – Пули нигде не было видно.

Взяв палочку, он использовал ее в качестве зонда и заявил, что пули обнаружить не удалось.

³⁰ Свидетельские показания перед большим жури Энди Смита, NARA-FW.

³¹ Цитируется в Cordry, *Alive If Possible – Dead If Necessary*, 238.

³² Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 1833.

³³ Свидетельские показания перед большим жури Роя Шеррилла, NARA-FW.

³⁴ *Shawnee News*, 11 мая 1911 года.

³⁵ Свидетельские показания перед большим жури Дэвида Шоуна, NARA-FW.

Представители закона спустились к ручью осмотреть место убийства. На прибрежном камне, где лежало тело, остались пятна крови. Следов пули найти не удалось, но один из правоохранителей заметил на земле бутылку с остатками прозрачной жидкости. Судя по запаху, это был самогон. Следователи предположили, что Анна сидела на камне и выпивала, когда кто-то подошел сзади и выстрелил в упор.

Маршал заметил вдалеке следы шин двух автомобилей, идущие от дороги к лощине. На его зов тотчас прибежали помощник шерифа и присяжные. Похоже было, что обе машины приехали с юго-востока, а затем вернулись обратно.

Больше никаких улик собрать не удалось. Криминалистическими методами стражи закона не владели, поэтому ни слепков следов протекторов, ни отпечатков пальцев с бутылки, ни следов пороховых газов с тела Анны не сняли. Даже не сфотографировали место преступления, которое, правда, сами же все равно изрядно затоптали.

Кто-то, однако, догадался вынуть из уха Анны сережку и отнести матери, которая была слишком больна, чтобы отправиться на место преступления. Лиззи тотчас ее опознала. Анна была мертва. Как и другие соплеменники, Лиззи считала рождение детей величайшим благословением Ва-Кон-Та, таинственной животворящей силы, идущей от Солнца, Луны и звезд, той самой силы, которой осейджи веками поклонялись, в надежде упорядочить царившие на Земле путаницу и хаос, силы и здешней, и потусторонней – незримой, далекой, дарующей, пугающей и неумолимой. Многие из них отошли от традиционных верований, но только не Лиззи (один федеральный чиновник как-то посетовал, что женщины вроде нее «цепляются за стародавние суеверия и смеются над современными идеями и обычаями»³⁶). Некто, *ничто* безвременно отняло у нее старшую и самую любимую дочь, – возможно, это знамение того, что Ва-Кон-Та лишил мир своего благословения, ввергая его в еще больший хаос. Здоровье Лиззи ухудшилось, словно горе само по себе было болезнью.

Молли нашла опору в Эрнесте³⁷. Его «необычайную... поразительную преданность индианке-жене и детям»³⁸ отмечал их общий знакомый адвокат. Муж утешал Молли, ринувшуюся организовывать похороны Анны. Нужно было купить цветы, а также белый металлический гроб и мраморное надгробие. Похоронные бюро брали с осейджей непомерные цены, и этот случай не стал исключением. За гроб запросили 1450 долларов, за подготовку и бальзамирование тела – 100 и за аренду катафалка – 25. После подсчета всех расходов, вплоть до перчаток могильщика, общая сумма вышла астрономической. Как выразился городской адвокат: «Получалось так, что осейджа нельзя похоронить дешевле 6000 долларов»³⁹ – с учетом инфляции сегодня это почти 80 000.

Похоронный обряд отражал и индейские, и католические традиции семьи⁴⁰. Молли, окончившая миссионерскую школу в Похаске, регулярно ходила к мессе. Ей нравилось сидеть на церковной скамье, смотреть, как в окна проникает утренний свет, и слушать проповедь знакомого священника. Неплохо было также поболтать с подругами – воскресная служба давала и такую возможность.

³⁶ Цитируется в Wilson, «Osage Indian Women During a Century of Change», 188.

³⁷ Описание похорон основано преимущественно на заявлениях свидетелей, в том числе гробовщика, и интервью с потомками присутствовавших.

³⁸ А. Ф. Мосс М. Е. Траппу, 18 ноября 1926 года, OSARM.

³⁹ Заявление А. Т. Вудворда, Комитет Конгресса США по делам индейцев, *Modifying Osage Fund Restrictions*, 103.

⁴⁰ Осейджи обычно хоронили своих мертвецов над землей, в пирамидах из камней. Когда в конце XIX века вождя осейджей похоронили под землей, его жена сказала: «Я сказала, что все будет хорошо, если мы разрисуем лицо моего мужа; если мы завернем моего мужа в одеяло. Он хотел быть похороненным в могиле белого человека. Я сказала, что все будет в порядке. Я сказала, что мы разрисуем лицо моего мужа, и он не заблудится на небесах индейцев».

Сначала была панихида по Анне в церкви. Уильям Хэйл, дядя Эрнеста, стоял совсем рядом с Анной и семьей Молли, а во время похоронной процессии был одним из несших гроб. Священник пел гимн XIII века «День гнева», кульминацией которого была мольба:

Сладчайший Иисус, Господь Всеблагой,
Даруй усопшей вечный покой.

После того как священник окропил гроб Анны святой водой, Молли во главе семьи и других скорбящих отправилась на кладбище Грей-Хорс, тихое и уединенное место, возвышающееся над бескрайней прерией. Там на соседних участках были похоронены отец Молли и ее сестра Минни. Теперь рядом зияла свежевырытая яма, сырая и темная, ждущая гроб Анны, уже стоящий у ее края. На надгробной плите было начертано «Встречайте меня на небесах». Обычно на кладбище крышку гроба поднимают в последний раз, давая родным и друзьям проститься, однако этого не позволяло сделать состояние тела Анны. Хуже того, ее лицо было невозможно раскрасить в цвета племени и клана, как требовала погребальная традиция осейджей. Молли опасалась, что без этого ритуального узора дух Анны может заблудиться. Тем не менее Молли и ее семья положили в гроб вдоволь еды для трехдневного странствия в «страну счастливой охоты», как зовут ее осейджи.

Старые женщины, такие как мать Молли, принялись причитать молитвенные песни осейджей в надежде, что их услышит Ва-Кон-Та. Великий историк и писатель Джон Джозеф Мэтьюз (1894–1979), в чьих жилах текла кровь осейджей, зафиксировал многие традиции племени. Описывая типичную молитву, он писал: «Она наполняла мою душу маленького мальчика страхом, сладкой горечью и неведомой тоской, и когда она заканчивалась, я лежал в ликующе-испуганном трансе, страстно надеясь на продолжение и одновременно боясь его. Позднее, когда я уже научился рассуждать, мне неизменно казалось, что эта молитвенная песня, это песнопение, эта волнующая душу мольба, всегда обрывалась прежде настоящего конца всхлипом разочарования»⁴¹.

На кладбище, стоя рядом с Эрнестом, Молли слушала погребальную песнь старух, их песнопения, перемежающиеся плачем. Ода Браун, бывший муж Анны, не выдержал и отошел. Ровно в полдень – когда солнце, величайшее воплощение Великой Тайны, достигло зенита – гроб подняли и начали опускать в яму. Молли смотрела, как сверкающий белый саркофаг погружается в землю, до тех пор, пока долгие пронзительные рыдания не сменились звуком ударов комьев земли по крышке.

⁴¹ Из вступления Mathews, *Osages*.

Глава 3

Король Осейдж-Хиллз

Убийства Анны Браун и Чарльза Уайтхорна вызвали сенсацию. Газета «Похаска дейли кэпитал» вышла с огромным заголовком: «ДВА УБИЙСТВА ОБНАРУЖЕНЫ В ОДИН ДЕНЬ»⁴². Множились версии о том, кто убийца. Две пули, извлеченные из черепа Уайтхорна, похоже, выпустили из пистолета 32-го калибра, оружия, подобного тому, из которого, как подозревали, убили Анну. Простое ли совпадение, что обе жертвы были богатыми осейджами около 30 лет? Или, может, это дело рук серийного убийцы – наподобие доктора Г. Г. Холмса, убившего как минимум 27 человек, большинство из них во время Всемирной выставки 1893 года в Чикаго?

Лиззи, не доверявшая белым, положила на Молли в улаживании всех проблем с властями. На протяжении жизни старой индианки осейджи резко отошли от традиционного уклада. Их историк Луис Ф. Бернс писал, что после обнаружения нефти племя «стремительным течением понесло в неизвестность»⁴³, добавляя: «В мире богатства белых людей не было ни одного знакомого ориентира, уцепившись за который можно было бы удержаться на плаву». В старину всякий раз, когда племя сталкивалось с внезапными переменами или чем-то новым, главенство брал на себя клан, в который входила группа, известная как «Идущие через туман». Молли, подчас сама теряясь от всех выпавших на ее долю потрясений, тем не менее взяла на себя инициативу и стала для своей семьи такой «идушей». Говоря по-английски и будучи замужем за белым, она не поддавалась соблазнам, сгубившим многих молодых членов племени, в том числе Анну. Некоторые осейджи, особенно старшего возраста, такие как Лиззи, считали свалившееся на них богатство проклятием. «Однажды эта нефть закончится, и Великий Белый Отец (так индейцы называли президента США. – *Прим. перев.*) перестанет присылать нам жирные чеки по несколько раз в год, – сказал вождь осейджей в 1928 году⁴⁴. – Больше не будет ни красивых автомобилей, ни новой одежды. И я знаю, что тогда мой народ станет счастливее».

Молли требовала от властей расследовать убийство Анны, однако большинство официальных лиц не особо заботила какая-то «мертвая краснокожая». Тогда Молли обратилась к дяде Эрнеста, Уильяму Хэйлу⁴⁵. Он сделался в округе влиятельным предпринимателем и поборником закона и порядка – защитником всех «богобоязненных душ», как он говаривал.

С совиным лицом, жесткими черными волосами и настороженным взглядом небольших, глубоко посаженных глаз, Хэйл появился в резервации без малого двадцать лет назад. Живое подобие фолкнеровского Томаса Сатпена, этот человек без прошлого словно возник из ниоткуда. Приехав в резервацию чуть не в единственном костюме и с потрепанным Ветхим Заветом, он, по выражению одного из хорошо знавших его людей, начал «борьбу за жизнь и капитал»⁴⁶ в «малоцивилизованном месте».

Хэйл нанялся на ранчо ковбоем. Прежде чем Запад пересекли железные дороги, такие, как он, перегоняли стада из Техаса на обильные травами земли осейджей и дальше в Канзас для отправки на чикагские и прочие бойни. Отсюда пошло американское увлечение ковбоями,

⁴² *Pawhuska Daily Capital*, 28 мая 1921 года.

⁴³ Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 442.

⁴⁴ *Modesto News-Herald*, 18 ноября 1928 года.

⁴⁵ Мой портрет Уильяма Хэйла основан на нескольких источниках, включая протоколы судебных заседаний, устные предания осейджей, отчеты ФБР, тогдашние газетные статьи, переписку Хэйла и мои интервью с потомками участников событий.

⁴⁶ Вступительная речь Сарджента Прентисса Фрилинга, *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, октябрь 1926 года, NARA-FW.

хотя в самой работе романтики было мало. День и ночь Хэйл вкалывал за гроши: гнал скот сквозь бури с градом, молниями и песком; сбивал, описывая сужающиеся круги, испуганных животных в кучу, прежде чем те успеют затоптать. Его одежда провоняла потом и навозом, кости часто были если не сломаны, то сильно побиты. Наконец он частью скопил, частью занял денег на покупку в округе собственного стада.

«Он был самым энергичным из всех, кого я знал⁴⁷, – вспоминал ссудивший ему на открытие дела. – Даже просто переходя улицу, он будто шагал навстречу свершениям».

Вскоре Хэйл обанкротился, но горечь поражения лишь подстегнула его честолюбие и амбиции. Вновь начав все сначала, он часто спал в продуваемой холодными ветрами прерий палатке, наедине со своей яростью. Много лет спустя журналист описывал, как Хэйл расхаживал перед костром «словно зверь на привязи. Нервно, суя пальцы прямо в языки пламени, потирал руки. Его красное лицо горело от холода и возбуждения»⁴⁸. Он трудился с лихорадочной одержимостью человека, страшившегося не только голода, но и ветхозаветного Бога, готового в любой момент покарать его, как Иова.

Хэйл стал настоящим мастером в клеймении, обезроживании, кастрации и продаже скота. Богатея, он скупал у осейджей и соседних поселенцев все больше земель, пока в руках у него не оказалось около 45 000 акров лучших пастбищ в округе и небольшое состояние в придачу. Свершилось американское чудо – и он стал работать на себя. Рваные брюки и ковбойскую шляпу Хэйл сменил на шегольской костюм, галстук-бабочку и фетровую шляпу, обзавелся для солидности очками в круглой оправе. Женился на школьной учительнице, у них родилась обожавшая отца дочь. Декламировал стихи. Легендарный шоумен Дикого Запада Пауни Билл, бывший некогда партнером знаменитого Буффало Билла, характеризовал Хэйла как «первостатейного джентльмена»⁴⁹.

Примерно в 1915 году его избрали вторым заместителем шерифа в Фэрфаксе, и эту должность он не оставлял до конца жизни. Скорее почетная, она, тем не менее, давала ему право носить значок и возглавлять отряд добровольцев, а также носить один пистолет в боковом кармане, а другой – в кобуре у бедра. «Для укрепления авторитета представителя закона», – как любил говаривать он.

По мере роста богатства и влияния Хэйла его поддержки начали искать политики, зная, что без его «благословения» им не победить. Где упорным трудом, где хитростью он заткнул конкурентов за пояс, нажив множество смертельных врагов. «Кое-кто его прямо-таки ненавидел»⁵⁰, – признавался один из друзей Хэйла. Тем не менее и Молли Беркхарт, и многие другие считали его величайшим благодетелем округа Осейдж. Он помогал индейцам еще до того, как к ним потекли нефтяные деньги, раздавал еду и лошадей, жертвовал благотворительным организациям, школам и больнице. Приняв мантию проповедника, подписывал письма «преподобный У. К. Хэйл». Местный врач говорил: «Мне и не упомнить, скольким больным он оплатил лечение, скольких голодных накормил»⁵¹.

Позднее в письме помощнику вождя племени Хэйл писал: «У меня никогда в жизни не было друзей ближе осейджей⁵². Я всегда буду вам настоящим другом». На этом последнем рубеже американского Фронтiera Хэйла почитали «Королем Осейдж-Хиллс».

⁴⁷ Статья Мервина Эберле, «King of Osage' Has Had Long Colorful Career», без указания даты, OHS.

⁴⁸ *Guthrie Leader*, 5 января 1926 года.

⁴⁹ Пауни Билл Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.

⁵⁰ К. К. Котманн Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.

⁵¹ М. Б. Прентисс Джеймсу А. Финчу, 3 сентября, 1935 года, NARA-CP.

⁵² Хэйл Уилсону Кирку, 27 ноября 1931 года, ONM.

Заезжая за Эрнестом, Хэйл часто бывал у Молли дома и вскоре после похорон Анны нанес визит сестре и матери убитой. Он поклялся добиться правды в ее деле.

Хотя Хэйл не играл какой-то официальной роли в расследовании, его абсолютная самоуверенность и очевидное влияние в тайном мире белых (он часто носил бриллиантовую булавку масонской ложи) создавали впечатление, что это не просто слова. Он всегда выражал симпатию к Анне – по его словам, они «были очень хорошими друзьями»⁵³, – и во время своего визита на глазах Молли что-то втолковывал Эрнесту вполголоса, видимо, рассказывая о поисках убийцы ее сестры.

Присяжные коронерского дознания вместе с прокурором округа продолжали расследование убийства Анны, и вскоре после похорон Молли вызвали для дачи показаний на судебные слушания в Фэрфакс. В Управлении по делам индейцев при Министерстве внутренних дел США, отвечавшем за связи властей с племенами и впоследствии переименованном в Бюро по делам индейцев, был закрепленный за резервацией осейджей чиновник, знавший Молли. Он вспоминал, что та «была готова сделать все возможное... для привлечения виновных к ответственности»⁵⁴. Власти предоставили Молли переводчика, но она от его услуг отказалась и говорила по-английски – насколько в детстве ее выучили монахини.

Молли описала присяжным последнюю встречу с Анной у себя дома и сказала, что та уехала примерно на закате. Далее в ходе судебных слушаний правительственный чиновник спросил ее:

- Как она уехала?⁵⁵
- На машине.
- Кто был с ней?
- Брайан Беркхарт.
- Вы заметили, в каком направлении они поехали?
- К Фэрфаксу.
- Кроме Брайана и Анны в машине еще кто-нибудь был?
- Нет, только Брайан и Анна...
- После этого вы видели ее живой?

Молли удалось не потерять самообладания.

– Нет, – ответила она.

– Вы видели ее тело после того, как его нашли?

– Да.

– Сколько времени прошло с момента, когда она на ваших глазах уехала с Брайаном Беркхартом, до того, как вы увидели ее тело?

- Пять или шесть дней.
- Где вы видели ее тело?
- На пастбище...
- Как далеко от ручья?
- Совсем рядом.

Хотя на судебном следствии Молли выражала полную готовность ответить на все вопросы, чтобы ни в коем случае ничего не было упущено, однако ни мировой судья, ни присяжные ее почти ни о чем не спросили. Возможно, из предубеждения – как к женщине и краснокожей. Жюри гораздо дотошнее расспрашивало Брайана Беркхарта, о котором многие

⁵³ *Tulsa Tribune*, 7 июня 1926 года.

⁵⁴ Дж. Джордж Райт Чарльзу Берку, 24 июня 1926 года, NARA-CP.

⁵⁵ Свидетельские показания Молли Беркхарт перед адвокатом племени и другими официальными лицами, NARA-FW.

местные уже начали шептаться – в конце концов, именно он последним видел Анну перед исчезновением.

В отличие от Эрнеста, Брайан не был красив, а застывший взгляд придавал ему неприятную холодность. К тому же Хэйл однажды поймал племянника на краже своего скота и, желая проучить, заявил на него в полицию. Обвинения были сняты, только когда Брайан оплатил ущерб.

Прокурор округа спросил о том дне, когда Брайан, по его словам, отвез Анну домой.

– Куда вы поехали после?⁵⁶

– В город.

– Во сколько это было?

– Около пяти или половины пятого.

– С тех пор вы ее не видели?

– Нет, сэр.

Прокурор сделал паузу и переспросил:

– Вы уверены?

– Да, сэр.

На следующем заседании допросили и Эрнеста. Один из судейских с нажимом спросил его о брате:

– Вы понимаете, что он последний, кого видели с этой женщиной, Анной Браун?⁵⁷

– Понимаю, – ответил Эрнест и добавил, что, по словам Брайана, он «высадил Анну возле ее дома. Так он сказал».

– Вы ему верите?

– Да, сэр.

После первого слушания власти задержали Брайана. К возмущению Молли, задержали и Эрнеста – на случай, если тот покрывает младшего брата. Однако, как ей и обещал Хэйл, вскоре обоих отпустили. Против Брайана не было никаких улик, кроме того, что он был последним, видевшим Анну перед исчезновением. Когда Эрнеста спросили, знает ли он что-нибудь об обстоятельствах убийства, тот ответил отрицательно и добавил:

– Мне неизвестно, чтобы у нее были враги или чтобы кто-то ее недолюбливал.

Основная версия следствия заключалась в том, что убийца был не из резервации. Раньше враги нападали на племя в чистом поле, теперь они приняли вид грабителей поездов, налетчиков и других головорезов. Принятие сухого закона лишь усугубило в резервации ощущение незаконности, подстегнув организованную преступность и сотворив, по выражению одного историка, «величайший в американской истории криминальный Клондайк»⁵⁸. Мало где в стране царил такой хаос, как в округе Осейдж, где ломались неписанные законы Дикого Запада и цементировавшие общины традиции. По некоторым оценкам, все прежние «золотые лихорадки», вместе взятые, уступали здешним нефтяным деньгам, на запах которых со всей страны слетались негодяи всех мастей. Чиновник Министерства юстиции США предупреждал, что в Осейдж-Хиллз скрывается больше беглых преступников, нежели, «вероятно, в любом другом округе штата или даже в любом другом штате»⁵⁹. Среди них был заматерелый грабитель Ирвин Томпсон, то ли за темный цвет лица (он был на четверть чероки), то ли за черное сердце, получивший прозвище Блэки: один полицейский называл его «подлейшим из всех, с

⁵⁶ Свидетельские показания перед коронерским расследованием Брайана Беркхарта, в отчете бюро, 15 августа 1923 года, FBI.

⁵⁷ Свидетельские показания перед большим жури Эрнеста Беркхарта, NARA-FW.

⁵⁸ Boorstin, *Americans*, 81.

⁵⁹ Джеймс Г. Финдли Уильяму Дж. Бёрнсу, 23 апреля 1923 года, FBI.

кем ему приходилось сталкиваться»⁶⁰. Печальной известностью его перешеголял Эл Спенсер по кличке «Призрак Ужаса», пересевший для бегства с мест преступления с галопирующих лошадей на скоростные автомобили и унаследовавший от Джесси Джеймса титул самого зловещего местного преступника. Газета «Аризона Репабликэн» писала, что Спенсер с его «нездоровым умом»⁶¹ и извращенной тягой к авантюрам» вызывал поклонение «у части населения страны, творившей себе ложных кумиров». Члены его банды, в том числе Дик Грегг и Фрэнк «Желе» Нэш, сами были в числе опаснейших преступников того времени.

Куда более неуютная гипотеза заключалась в том, что убийца Анны продолжал жить среди добропорядочных граждан как волк в овечьей шкуре. Молли и другие начали питать подозрения в отношении бывшего мужа Анны, Оды Брауна. Тот именовал себя бизнесменом, но большую часть времени проводил в кутежах. Задним числом его скорбь на похоронах выглядела чересчур театральной. В своих заметках следователь писал: «Это настоящее горе или, может статься... для отвода глаз?»⁶² Когда они развелись, Анна исключила его из числа наследников, оставив практически все свое состояние Лиззи. После похорон Браун нанял адвоката и безуспешно пытался оспорить завещание. Следователь пришел к выводу, что Браун «ничего хорошего собой не представляет и способен на все ради денег»⁶³.

Через несколько недель после похорон некто, арестованный в Канзасе за подделку чека, написал шерифу Фрису, что у него есть информация об убийстве Анны. «Достопочтенный сэр»⁶⁴, – писал он, – я надеюсь оказать вам определенную помощь». Однако не раскрыл того, что знал, и шериф, получив письмо, отправился в дорогу, как говорилось в газете, на «быстром автомобиле». Прознавший о потенциальном прорыве в расследовании Хэйл тоже бросился в тюрьму. На допросе суетливый 28-летний аферист утверждал, что Браун заплатил ему за убийство Анны 8000 долларов. Он рассказал, как выстрелил ей в голову, а потом на руках отнес тело к ручью.

Вскоре после этого признания отряд полиции схватил Брауна, когда тот приехал в Похаску по делам. Газета «Похаска дейли кэпитал» вышла с сенсационным заголовком: «УБИЙЦА АННЫ БРАУН ПРИЗНАЛСЯ»⁶⁵. И ниже: «Арестован также бывший муж убитой, Ода Браун». Молли и ее семья были раздавлены вестью о том, что в убийстве Анны повинен Ода. Единственным утешением им могла служить лишь мысль об ожидавшем его справедливом возмездии – петле или электрическом стуле. Однако через несколько дней власти были вынуждены признать, что у них нет никаких подтверждающих признание афериста доказательств – ни его присутствия на момент убийства в округе Осейдж, ни того, что бывший муж жертвы с ним когда-либо связывался. Властям ничего не оставалось, кроме как освободить Брауна.

– Болтовни много»⁶⁶, – сказал шериф. – Но нам нужны доказательства, а не болтовня.

Подобно многим должностным лицам, своим избранием прокурор округа был как минимум частично обязан Хэйлу. Когда прокурор баллотировался впервые и советники сообщили ему о необходимости заручиться поддержкой могущественного скотопромышленника, он несколько раз ездил на ранчо. Однако никак не мог застать хозяина, пока один из надсмотрщиков в конце концов не сказал:

⁶⁰ McConal, *Over the Wall*, 19.

⁶¹ *Arizona Republican*, 5 октября 1923 года.

⁶² Журналы частных детективов, включенные в отчет, 12 июля 1923 года, FBI.

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Pawhuska Daily Capital*, 29 июля 1921 года.

⁶⁵ *Pawhuska Daily Capital*, 23 июля 1921 года.

⁶⁶ Цитируется в Crockett, *Serial Murderers*, 352.

– Если хотите встретить Билла Хэйла⁶⁷, вам придется приехать рано. Я имею в виду – чертовски рано.

Тогда прокурор пригнал свой «Форд Т» на ранчо в три часа ночи и улегся спать в машине. Вскоре он вздрогнул, разбуженный резким стуком в стекло, и увидел рассерженного мужчину, требовавшего объяснить вторжение в его владения. Это был Уильям Хэйл. Прокурор объяснил, зачем приехал, и Хэйл вспомнил его родителей, которые однажды приютили ковбоя во время снежной бури. Он обещал оказать помощь в предвыборной кампании. Один из советников заметил, что Хэйл «никогда не лгал⁶⁸, и если обещал что-то сделать, то сделает». В день выборов прокурор победил на всех участках в той части округа.

Хэйл продолжал поддерживать хорошие отношения с прокурором и обсуждал убийство Анны с ним и другими чиновниками. В конце концов было решено еще раз поискать пулю, ускользнувшую от следователей при вскрытии Анны. Было получено судебное постановление на эксгумацию. Мрачную задачу поручили Скотту Мэтису, другу Хэйла и Молли, владельцу «Биг Хилл Трейдинг Компани», и тот с гробовщиком и могильщиком отправился на кладбище. На участке Анны едва успела вырасти трава. Мужчины принялись копать твердую землю, залезли в яму и, подняв некогда белый, а теперь почерневший от грязи гроб, сорвали крышку. Воздух наполнился ужасающим смрадом самой смерти.

На кладбище явились производившие первое вскрытие братья Шоун и возобновили поиск пули. На сей раз они натянули перчатки и мясницким ножом порубили мозг Анны буквально «на фарш»⁶⁹, как выразился потом шокированный гробовщик. Однако и это ничего не дало. Пуля как будто испарилась.

К июлю 1921 года мировой судья прекратил расследование с формулировкой, что смерть Анны Браун наступила от «руки неустановленного лица»⁷⁰, – точно такой же, как и в деле Уайтхорна. Те скудные доказательства, которые удалось собрать, судья запер в своем кабинете на случай появления дополнительной информации.

В это же самое время Лиззи – некогда такая же энергичная и решительная, как Молли – окончательно разболелась. Казалось, с каждым днем она таяла, словно ее изнуряла та же страшная болезнь, которая свела в могилу Минни.

В отчаянии Молли обращалась и к индейским знахарям, возносившим молитвы кроваво-красному рассветному небу, и к братьям Шоун, новому поколению целителей, носившим свои зелья в черных чемоданчиках. Ничего не помогало. Молли дежурила у постели матери. Не в силах вылечить, Молли кормила ее, расчесывала, убирая длинные красивые седые волосы с лица – морщинистого и выразительного, не утратившего своей притягательной силы. Старая индианка оставалась одной из последних, в ком была жива связь с древним образом жизни племени.

В один из июльских дней, спустя меньше двух месяцев после убийства Анны, Лиззи скончалась. Молли ничего не могла поделать. Дух Лиззи призвали к себе Господь и Спаситель Иисус Христос и Великая Тайна Ва-Кон-Та. Молли была раздавлена горем. Как в заупокойной молитве осейджей:

О, Великий Дух, смилуйся надо мной!
Видишь, я безутешно плачу,

⁶⁷ Roff, *Boom Town Lawyer in the Osage*, 106.

⁶⁸ Там же, 107

⁶⁹ Свидетельские показания перед большим жури Ф. С. Тертона, NARA-FW.

⁷⁰ *Pawhuska Daily Capital*, 30 мая 1921 года.

Осуши мои слезы и успокой⁷¹.

Зять Молли, Билл Смит, одним из первых заподозрил неладное в смерти Лиззи, наступившей почти сразу после убийства Анны и Уайтхорна. Глубоко разочарованный официальным расследованием, Билл с его бульдожьей хваткой взялся за дело сам. Его, как и Молли, поразила странная неопределенность болезни Лиззи: ни один врач так и не поставил диагноз. Фактически никто не установил причину ее смерти. Чем глубже Билл копал, консультируясь с врачами и местными следователями, тем больше убеждался, что смерть Лиззи была ужасающе противоестественной – ее отравили. Он не сомневался, что все три убийства как-то связаны с таящимися в недрах земли осейджей запасами «черного золота».

⁷¹ Frank F. Finney, «*At Home with the Osages*», Finney Papers, UOWHC.

Глава 4

Подземная резервация

Деньги пришли внезапно, стремительно, шало⁷². Молли было десять, когда впервые нашли нефть, и все последующее безумие разворачивалось на ее глазах. Однако, по рассказам старейшин, Молли знала, что запутанная история того, как эта богатая нефтью земля досталась ее племени, восходит к XVII веку. Тогда осейджи считали своей большую часть центра страны – от сегодняшних штатов Миссури и Канзас до Оклахомы и еще дальше на запад, вплоть до Скалистых гор.

В 1803 году президент Томас Джефферсон купил у французов территорию Луизиана, где жили осейджи. Джефферсон характеризовал их военно-морскому министру как «великий народ» и добавил: «Мы должны поддерживать с ними хорошие отношения, потому что на их землях мы страшно слабы»⁷³. В 1804 году делегация осейджских вождей встретилась с президентом в Белом доме. Тот сообщил тому же министру, что рослые, выше шести футов, осейджские воины были «лучшими из всех, кого нам когда-либо доводилось видеть»⁷⁴.

На встрече Джефферсон обратился к вождям «дети мои», сказав:

– Наши предки пришли из-за большой воды так давно⁷⁵, что мы уже забыли об этом и считаем себя произросшими из этой земли так же, как и вы... Мы все – одна семья.

И продолжил:

– По возвращении скажите своим людям, что их рука в моей руке, что я буду им отцом, а наш народ – другом и благодетелем.

Однако за последующие четыре года Джефферсон принудил осейджей уступить территории между реками Арканзас и Миссури. Вождь осейджей заявил, что его народу «оставалось либо подписать договор, либо быть объявленными врагами Соединенных Штатов». В течение двух следующих десятилетий племени пришлось отдать почти 100 миллионов акров своих исконных земель и в конце концов найти прибежище на полосе в 50 на 125 миль на юго-востоке Канзаса. Именно там выросли родители Молли.

Отец, родившийся около 1844 года, носил индейское имя Не-ка-е-се-й. В то время обычной одеждой молодого осейджа были отделанные бахромой отдельные штаны оленьей кожи, мокасины и кожаная набедренная повязка, а на плетеном ремне висели кисет и томагавк. Торс нередко оставался голым, а голову брили наголо, за исключением полоски волос от макушки до шеи, торчащих вверх, как гребень спартанского шлема.

Вместе с другими воинами Не-ка-е-се-й защищал племя от нападений, а перед боем чернил лицо древесным углем и молился Ва-Кон-Та о том, что врагу пора, как выражаются осейджи, «обагрить кровью землю»⁷⁶. С возрастом Не-ка-е-се-й стал в племени видной фигурой. Осмотрительный и внимательный, он умел все взвесить, прежде чем начать действовать. Годы спустя, когда племя создало свою первую судебную систему для рассмотрения главным образом мелких преступлений, его выбрали одним из трех судей. Федеральный чиновник называл его решения пронизательными и справедливыми.

⁷² Описывая историю осейджей, я пользовался несколькими превосходными работами. См. Louis F. Burns, *History of the Osage People*; Mathews, *Wah'kon-Tah*; Wilson, *Underground Reservation*; Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*; и Bailey, *Changes in Osage Social Organization*. Я также привлек отчеты и документы племенного совета, содержащиеся в бумагах Агентства индейцев осейдж, NARA-FW.

⁷³ Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 140.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Цитируется в Ambrose, *Undaunted Courage*, 343.

⁷⁶ Mathews, *Osages*, 271.

Лиззи⁷⁷ тоже выросла в резервации в Канзасе, где с малых лет помогала семье, собирая кукурузу и возя из лесу дрова. Одеждой юной индианке служили мокасины, штаны из раздельных штанин, юбка из оленьей кожи и одеяло на плечах. Черные волосы посередине были выкрашены красным как символ пути солнца. Позднее сотрудник по делам индейцев назвал ее «трудолюбивой» и «добропорядочной»⁷⁸.

Когда Лиззи и Не-ка-е-се-й были молоды, их семьи дважды в год вместе со всем остальным племенем собирали скудные пожитки – одежду, постели, одеяла, посуду, вяленое мясо, оружие, – навьючивали на лошадей и отправлялись на священную двухмесячную охоту на бизонов. Когда разведчики находили стадо, Не-ка-е-се-й и другие охотники неслись верхом по прерии – копыта били в землю, как в барабан, гривы хлестали по блестящим от пота, демонически-черным лицам всадников. Французский студент-медик, в 1840 году выезжавший с племенем на охоту, писал: «Преследование беспощадно»⁷⁹

⁷⁷ В существующих документах ее осейджское имя не указано.

⁷⁸ Документы наследственного дела матери Молли, Лиззи, «Application for Certificate of Competency», 1 февраля 1911 года, NARA-FW.

⁷⁹ Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*, 191.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.